

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 34.03

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТОГЛАВУ

© 2011 С.В. Лунин*

Ключевые слова: церковное право, Стоглав, церковное наказание, юридическая ответственность, правонарушение.

Поставлена проблема соотношения мер церковной ответственности с мерами уголовной, гражданской, административной ответственности. Рассматриваются система правонарушений и меры ответственности по Стоглаву и предшествующим источникам церковного права.

Отдельную проблему в историко-правовой науке составляет допустимость использования понятия церковной ответственности применительно к тем мерам юридической ответственности, которые устанавливались за предусмотренные источниками церковного права правонарушения. Среди этих правонарушений и мер юридической ответственности можно обнаружить нормы уголовного, административного, гражданского характера, а также нормы, которые невозможно однозначно отнести ни к одной из упомянутых отраслей права. Выявление, описание и систематизация этих норм составляют актуальную задачу для историко-правового исследования.

К числу таких норм, которые не могут быть отнесены ни к уголовному, ни к административному, ни к гражданскому праву, следует отнести назначение церковного наказания. Собственно церковное наказание именовалось “епитимья”, что переводится на русский язык как “запрещение”. Смысл наложения епитимьи заключался в том, чтобы привести провинившегося, преступившего церковные установления человека к деятельному раскаянию. В связи с таким пониманием церковного наказания его конкретные формы могли быть различными: это временное запрещение причащения или ограничение в доступе к другим церковным службам, предписание не есть определенные продук-

ты, не говорить больше определенного количества слов в день, совершение молитв или поклонов с покаянной молитвой, чтение покаянных канонов и т.п.

В истории встречаются примеры, когда некоторые священники пытались ввести возможность откупа от епитимьи, однако церковные иерархи всегда строго возражали против такой практики. Например, Сарайский епископ Феогност задавал Константинопольскому собору 1301 г. вопрос, правильно ли, что некоторые из священников освобождали согрешивших от четырехмесячной епитимьи за 10 литургий, а от годичной за 30, т.е. снимали с них повеление совершать определенное число поклонов или запрещение вкушать мясо и молоко в течение четырех месяцев или года, если они отслушают 10 или 30 литургий и внесут в церковь достаточные вклады. В ответе собора такая практика была названа “великим злом” и было добавлено, что в таком случае люди богатые слишком легко, без труда откупались бы от грехов и что грехи очищаются не денежными вкладами, а покаянием¹.

В рамках системы церковного права одной из наиболее суровых мер ответственности являлось лишение сана. Согласно Стоглаву, лишение сана предусматривалось по отношению к священнику, который нарушал установленный в апостольских правилах порядок совершения таинства крещения (гл. 17

* Лунин Станислав Владимирович, аспирант Самарского государственного экономического университета. E-mail: 29.revina@mail.ru.

Стоглава): “Ведомо же буди, яко по апостольском 49 правиле измещется священник крестивый сице рек: “Крестится раб божий, имярек. Во имя Отца и Сына и святого Духа ныне и присно и во веки веком аминь”. И тако погрузив крещаемого, и паки тоже слово рек и паки погрузив. И паки тоже слово третьим рек и паки погрузив”². Нарушение догматов усматривалось здесь в том, что священник по ходу обряда совершает крещение во имя девяти лиц, а не трех, тем самым нарушается важнейший постулат о троичности (триединстве) божества. Троекратное погружение крещаемого в воду символически должно означать трехдневное воскресение Иисуса Христа, поэтому те священники, которые, правильно произнеся словесную формулу, погружали крещаемого всего лишь один раз: “Такоже измещется по 8 правиле и рекий все тожде слово и погрузив крещаемого единости, яко не славя воскресения”³.

С древних времен лишение сана предусматривалось за попытку продажи или покупки места священника (поставления в священники). Уже в определениях Владимирского собора 1274 г. предписывалось лишить сана как святителя, берущего мзду за поставление священника, так и самого священника, получившего духовный сан посредством взятки святителю: “Приде бо въ слоухы наша, яко неции от братья наша дързноюша продати священни санъ и причитати я къ церквямъ, и взимати от нихъ некия оуроки глаголемыя, и забыша правила реченаго святыхъ Апостоль и преподобныхъ отецъ нашихъ, да слышать ясно вси: поставлены на мзде, да извержеться и поставили его, правило се есть святыхъ Апостоль”⁴. Покупка-продажа церковных должностей или духовного сана (симония) практиковалась в Западной Европе папством, королями, крупными феодалами, но в рамках православия всегда строго воспрещалась.

Оговаривая необходимость лишения сана в качестве наказания за симонию, Кирилл III ссылается на решения вселенских соборов (Трульского и Халкидонского). Действительно, уже 2-е правило Халкидонского собора твердо закрепило эту меру наказания: “Если который епископ за деньги рукоположение учинит, и непродаемую благодать обратит в продажу, и за деньги поставит епископа, или

хорепископа, или пресвитера, или диакона, или инаго коего от числящихся в клире, или произведет за деньги во эконома, или едикка, или парамонария или вообще в какую либо церковную должность, ради гнуснаго прибытка своего: таковой быв обличен, яко на сие покусился, да будет подвержен лишению собственной степени; и поставленный отнюдь да не пользуется купленным рукоположением, или производством, но да будет чужд достоинства, или должности, которые получил за деньги. Если же явится кто и посредствующим в толико гнусном и беззаконном мздопрятании то и сей, если есть из клира, да будет низвержен со своей степени, если же мирянин, или монашествующий, да будет предан анафеме”.

Как видим, решение Халкидонского собора, на которое ссылается Кирилл III, распространяет указанную меру ответственности на гораздо более широкий круг лиц - как духовных, так и светских. Особый интерес представляет тот факт, что Халкидонский собор включает в число ответственных лиц и посредника, предписывая для мирского или монашествующего лица наказание в виде анафемы. Дальше по тексту Правила митрополита Кирилла указанное решение Халкидонского собора подробно пересказывается и комментируется, что свидетельствует о необходимости расширительного - в контексте решения Халкидонского собора - толкования решений Владимирского собора 1274 г. касательно симонии.

Лишение сана, со ссылкой на священные правила апостольские, предусматривалось Стоглавом за рукоприкладство, нанесение побоев и кровопролитие (глава 29): “Якоже пишут во своих правилах: аще кий епископ или презвитер или дьякон бьет вернаго или невернаго, да извержеться”⁵. Лишение сана также предусматривалось по отношению к священникам, которые, будучи уличены в “безчинии” (т.е. в поведении, несовместимом со статусом духовного лица), не выполняли возложенное на них святителем духовное наказание, соответственно, не показывая исправления: “А которые священницы и дьяконы не учнут слушати святительского наказания по правилом святых апостол и святых отец и по святей хиротонии, таковии будут от своих святителей в конечном отлучении

священства и предани будут церковному суду”⁶.

Правила отношений с “расстригами”, т.е. с лишенными церковного сана, подробно определялись церковным правом. К примеру, митрополит Киприан в своем поучении духовенству обращал внимание, что “аже который христианинъ, а отвержется Христа, съ темъ негодится ни ясти ни пити, ни целоваться съ нимъ, ни стретитися бы съ нимъ, такъ отъ отъ него бегати; такожь паки кто посмеется ангельскому образу, а съ себе свержетъ, и тотъ таковой тому подобенъ, и божественаа правила такъ повелевають, съ таковыми ни ести ни пити, ни обчины никакой не держати...”⁷.

В некоторых случаях обычноправовые институты оказывали воздействие на церковное право, которое заимствовало их и встраивало в систему церковных правовых институтов.

К примеру, согласно каноническому праву, при крещении должен был приглашаться один восприемник, однако у славянских народов сложилась практика приглашения двух восприемников, которые назывались кумом и кумою. Допуская в первые века своего существования этот обычай, в более позднее время Церковь начала настаивать на необходимости соблюдения церковных правил и приглашения одного восприемника того же пола, что и крещаемый⁸. Поскольку искоренить эту практику церковным властям не удалось, в рамках церковного права были введены нормы, устанавливающие наказание за связь кума с кумою. Согласно Закону Судному людем, памятнику южнославянского происхождения, имевшему широкое хождение в русских землях, за блуд куму и куме отрезали носы, после чего на них налагалась епитимья в виде 15-летнего поста⁹. В русском праве византийские членовредительские наказания долгое время не применялись и, в соответствии с местными обычаями, заменялись на штрафные санкции. Соответственно, Устав князя Ярослава предусматривает за связь кума с кумой относительно высокий штраф в 1 гривну золота¹⁰. В Пространной редакции Устава указывается меньший штраф - 12 гривен: “Аще кум с кумою блуд створить, митрополиту 12 гривен, а опитемии указание от бога”¹¹.

Обращает на себя внимание то, что, наряду с назначением штрафа в пользу епископа, Устав указывает на необходимость церковного наказания - епитимьи. Будучи светским источником права, Устав не определяет сроки епитимьи и вполне допустимо предположение, что они регулировались приведенной выше нормой Закона Судного людем. Подтверждение этому предположению можно найти в одном из ранних источников русского церковного права, предписывавшего 15-летнюю епитимью за связь кума с кумою¹².

Взяв под свой контроль сферу брачно-семейных отношений, церковное право включило в себя широкий круг гражданско-правовых институтов. Деяния, которые трактовались как покушение на охраняемые Церковью институты (брак, честь женщины, единобрачие и т.п.), влекли за собой не только церковную, но и гражданско-правовую ответственность. Например, в исследовательских работах отмечается, что обручение представляло собой одну из стадий заключения брака, которая преимущественно носила характер гражданско-правовой сделки, стороны которой представляют родовые коллективы жениха и невесты¹³. Нарушение условий этой сделки-обручения влекло за собой гражданско-правовую ответственность. В частности, согласно Эклоге сторона, расторгающая обручение, присуждалась к возмещению ущерба другой стороне в размере предбрачного дара: “Если же давший задаток вздумает отступить и расторгнуть соглашение, то он теряет свой задаток; если же и сторона невесты захочет отступить, пусть внесет двойной задаток, то есть задаток и другой в таком же размере”¹⁴.

Древнерусское право, несколько видоизменив форму обручения, сохранило его характер как гражданско-правовой сделки. Как отмечается в исследовательских работах, на Руси аналогом обручения нередко выступал брачный сговор¹⁵. Гражданско-правовую ответственность за нарушение условий брачного сговора устанавливал уже Устав князя Ярослава: “Про девку сыр краявши, за сором ей 3 гривны, а что потеряно, то е[й] заплатит, а митрополиту 6 гривен, а князь казнить”¹⁶.

Широкий круг деяний трактовался церковным правом в качестве правонарушений,

поскольку вступал в противоречие с церковными догматами. В частности, вступление во второй или третий брак расценивалось Церковью как нарушение идеальной концепции брака и влекло за собой назначение церковного наказания (гл. 21 Стоглава): “Двоеженец не венчается, но и запрещение приемлет не причастится святых таин два лета, а треженец 5 лет”¹⁷. Как видим, наказание в данном случае представляет собой отлучение от причащения на два года для лица, вступающего во второй брак, и на 5 лет для лица, вступающего в третий брачный союз. Запрет на причащение налагался в тех случаях, когда человек совершал смертные грехи (убийство, блуд, прелюбодеяние и др.), не позволяющие допустить его до причащения, пока он не раскаялся и не очистился. Таким образом, второй и третий браки трактуются в данном случае как измена идеальной модели христианского брака как единственного за всю жизнь брачного союза, что требует соответствующих мер наказания и очищения.

Вступление в четвертый брак вообще не допускалось источниками церковного права. Для лиц, которые, нарушив церковный закон, вступали в четвертый брак, помимо расторжения брачного союза, назначалась строгая епитимья: не входить в церковь в течение четырех лет, а затем до десяти лет не приобщаться святых таин (в некоторых списках - 4 года не входить в церковь и до 18 лет не приобщаться святых таин). В 1572 г. царь Иван IV вступил в четвертый брак, после чего созвал церковный собор, которому объяснил причину своего решения. Собор утвердил этот брак вопреки совсем недавно принятому Стоглавым собором запрещению и назначил царю епитимью: до Пасхи не входить в церковь (фактически - в течение года, так как соборное определение было вынесено 29 апреля 1572 г.), в день Пасхи причаститься святых таин, затем еще год стоять в церкви с припадающими и год с верными. В случае, если царь должен был отправиться в поход, епитимья с него снималась и собор брал ее на себя¹⁸.

“Запрещение” (церковное наказание) без указания конкретной формы наказания назначалось Стоглавом за ряд деяний, нарушающих нормы нравственности. Общей исход-

ной посылкой, на которую ссылаются составители Стоглава, являются слова апостола Павла: “Не прельщайтесь ни блудницы, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни скотоложники, ни рукоблудники, ни лихоимцы, ни хищницы, ни чародеи, ни пьяницы, ни татие. Все таковии царства небеснаго не наследят”¹⁹. Из этой цитаты ясно следует угроза сакрального наказания, однако наряду с этим Стоглав предписывает священникам назначать за указанные пороки церковные наказания - “запрещение” (гл. 32): “Также святии апостоли и святии отцы уставиша и заповедаша ясти и пити в славу божию, а от упивания в пьянство и от объядения вельми запретиша и под запрещением учиниша не токмо священным, но и простым...”²⁰.

В гл. 34-й Стоглава подтверждается назначение церковного наказания за деяния, которые несовместимы со статусом священника и потому трактуются как “безчиние”: 1) пьянство и другие пороки нравственности; 2) участие в светских, языческих по своей сути, празднествах; 3) посещение корчмы; 4) пренебрежение своими обязанностями священника в общении с прихожанами. Дифференциация наказания проводилась, но ее критерий не указывался: “И святители тех попов и дьяконов о их безчинстве духовне наказывают с великим запрещением: овому духовное наказание, овому страх, иному же отлучение по священным правилам”²¹. Можно полагать, что дифференциация наказания отдавалась на усмотрение святителя.

Упомянутый в тексте гл. 34 термин “безчиние” находится в непосредственной связи с термином “чин”, используемым в названии главы - “О церковном чину”. Исходя из содержания главы, термин “чин” следует трактовать как нормы поведения, предписываемые белому духовенству. Таким образом, в главе формулируется состав правонарушения, который определяется Стоглавом термином “безчиние” и который включает в себя целый ряд деяний, несовместимых со статусом лица духовного звания.

Запрещение или малое отлучение от Церкви предусматривались и по отношению к лицам духовного звания в тех случаях, когда они нарушали установленные правила совершения богослужений. Например, в случае совершения церковных служб без риз на свя-

щенников налагалось наказание в виде отлучения и запрещения от святителя: “Аще кто сїа соборныя и уложенныя заповеди преслушаетъ, да будетъ во отлученїи и въ великомъ запрещенїи отъ святителя”²².

Малое отлучение применялось к духовным лицам, которые были уличены в пьянстве (гл. 29 Стоглава): “аще кий епископ или презвитер или дьякон упивается, или престанет, или да отлучится”²³.

Проклятие как разновидность церковного наказания применялось за нарушение правильного порядка крестного знамения, установленного Стоглавом (гл. 31): “Ащели кто двема персты не благословляет, якоже и Христос, или не воображает крестнаго знамения, да будетъ проклят, святїи отцы рекоша. ... Иже кто не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят”²⁴.

Все источники церковного права, начиная с княжеских церковных уставов, среди прочего ставили своей задачей защиту нравственности и общественной морали, и Стоглав не был здесь исключением. По инициативе Ивана IV церковный собор значительное внимание уделил обличению “мужеложства”. Относительно этого состава преступного деяния И.Н. Жданов высказывал мнение, что мужеложство было распространено “в кругу богатых людей”²⁵. В царских вопросах мужеложство представлено как одно из наиболее опасных деяний, поскольку за содомию и прелюбодейство отдельных людей бог наказывает весь народ (вопрос 29): “Да и о иных тяжких винах духовне беседовати довлеет, за что гнев божий приходит на землю сїю и всякие казни праведнаго гнева божия ... Паче же запретити о любодействе и прелюбодействе и о злом содомском блуде”²⁶. Позднее составители Стоглава подтвердили это мнение царя, указав, какие именно наказания насылаются на народ за прегрешения отдельных людей, и на необходимость полного искоренения этого порока (гл. 33): “Таких бо ради скверных дел божїи гнев приходит на православное хрестьянство: овогда ратию, иногда же глади, овогда же тлетворныя ветры, овогда же падение человеком и скотом сииречь смертная язва, иногда же великие пожары и иные многие казни наводит господь бог к нашему исправлению, чтобы таковая мерзость и законопреступныя дела

никогда же в православии не именовалися и пограны бы были до конца”²⁷.

Очевидно, следуя за царскими вопросами, составители Стоглава выделили отдельную главу, посвященную обличению “содомского греха” и установлению строгого церковного наказания за него (гл. 33): “И о тех о всех отреченных и скверных и зазорных дел скаредных отцем духовным священным протопопом и священником детей своих духовных накрепко испытovati и запрещати с великим истязанием духовным, чтобы таких скверных и мерских дел не творили”²⁸. При этом Стоглав дифференцирует наказание для виновных в содомии в зависимости от факта раскаяния преступника: “И которые покаются и вперед обещаются, и вы бы их исправляли по правилом святых апостол и святых отец, а без опитемы бы есте не прощали”²⁹. Как видим, раскаявшимся назначалась епитимья, для нераскаявшихся следовало отлучение от церкви: “А которые не исправятся ни покаются и вы бы их ото всякия святїни отлучали и в церковь входу не давали, и приносу от них не принимали, дондеже покаются и престанут от своих зол”³⁰.

В качестве административного правонарушения следует рассматривать продажу и покупку богослужебных книг, не прошедших процедуру правки. Правка книг вводилась Стоглавом с целью своевременного исправления ошибок переводчиков, которые могли сказаться на правильности совершения богослужений, на изъясных обучения будущих священнослужителей и т.п. Иными словами, введение неправленных книг в оборот наносило ущерб или создавало угрозу ущерба интересам церковной организации. Соответственно, нарушение этого правила, установленного Церковью для защиты своих интересов, должно рассматриваться как административное правонарушение. Согласно Стоглаву продажа переписчиком или покупка таких книг в первый раз приводили к предупреждению, покупка или продажа их во второй раз, уже после вынесенного предупреждения, приводила к изъятию книг и передаче их в пользу бедных церковей (гл. 28): “А которой писец написав книгу продаст не исправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто у него неисправлену книгу купит и вы бы тем потому же возбраняли

с великим запрещением, чтобы впредь тако не творили. А впред таковии обличени будут продавец и купец, и вы бы у них те книги имали даром безо всякаго зазору, да, исправив, отдавали в церкви, которые будут книгами скудны³¹.

Таким образом, рассматривая средневековое русское право, следует выделять церковную ответственность, которая предполагает назначение церковных наказаний за особую группу правонарушений, предусмотренных источниками церковного права. Функциональный смысл церковного наказания заключался в том, чтобы привести правонарушителя к деятельному раскаянию. В отличие от светского древнерусского права, широко практиковавшего систему штрафов, источники церковного права категорически отвергали возможность откупа от епитимьи. Наряду с собственно церковными наказаниями, источники церковного права широко использовали меры уголовной, гражданской и административной ответственности, нередко в комплексе с собственно церковными наказаниями.

¹ Обзор определений константинопольского патриаршего собора по вопросам Феоноста, епископа Сарайского (1301 г.) // Православный соборник. 1863. Ч.1. С. 154.

² Стоглав // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 287.

³ Там же.

⁴ Правило Кирилла митрополита Русского // Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч.1. М., 1815. С. 108.

⁵ Стоглав. С. 293.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Поучение митрополита Киприана духовенству // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. □ 11. С. 20.

⁸ См., например: там же; Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. □ 32. Ст. 254; Митрополита Фотия поучение о важности священного сана и обязанностях священнослужителей

// Там же. □ 60. Ст. 517; Стоглав. С. 287; и др.

⁹ Закон Судный людем. Краткая редакция. М., 1961. С. 106.

¹⁰ Устав князя Ярослава. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков. Т.1. М., 1984. С. 169.

¹¹ Устав князя Ярослава. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX веков. Т.1. М., 1984. С. 190.

¹² Вопросы и ответы о разных случаях пастырской практики // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. □ 124. Ст. 864.

¹³ См.: Горчаков М. О тайне супружества. СПб., 1880. С. 185; Оспенников Ю. В. Брачно-семейные отношения в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. Самара, 2004. С. 138; и др.

¹⁴ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 44.

¹⁵ Оспенников Ю. В. Указ. соч. С. 138.

¹⁶ Устав князя Ярослава. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX веков. Т.1. М., 1984. С. 191.

¹⁷ Стоглав. С. 288.

¹⁸ Соборное определение о четвертом браке царя Иоанна Васильевича 29 апреля 1572 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. СПб., 1836. □ 284. С. 331.

¹⁹ Стоглав. С. 296.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 297.

²² Соборный приговор об учреждении и обязанностях Московских поповских старост, и о проч. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. СПб., 1836. □ 232. С. 230.

²³ Стоглав. С. 293.

²⁴ Там же. С. 294.

²⁵ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Журн. М-ва народ. просвещения. 1876. Июль, август. С. 199.

²⁶ Стоглав. С. 274.

²⁷ Там же. С. 296-297.

²⁸ Там же. С. 296.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 292.

Поступила в редакцию 19.08.2011 г.